

RINA LILY

ЧАСОВОЙ МАСТЕР
И
ОСКОЛКИ ВРЕМЕНИ

Rina Lily

Часовой мастер и осколки времени

«Автор»

2026

Lily R.

Часовой мастер и осколки времени / R. Lily — «Автор», 2026

«Часовой мастер и осколки времени» — история о хрупкости времени и силе отпускания. Илья, часовой мастер в третьем поколении, узнаёт, что время — живая ткань, которую люди невольно рвут, пытаясь удержать дорогие мгновения. В городе возникает стена застывшего времени — её держит измученный Леонард, десятилетиями боровшийся с утратой. Вместе с девочкой, чьи действия запустили катастрофу, и другими хранителями Илья учится слышать ритм времени: в тиканье часов, в голосах, в паузах. Он понимает, что исцелить трещины можно не силой, а теплом, музыкой и простым присутствием рядом. Книга о том, что вечность — не застывшее мгновение, а то, что мы передаём дальше: в словах, делах и умении идти вперёд, храня память

© Lily R., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Магазин, где не продают часы.	5
Глава 2. Тайный язык механизмов.	7
Глава 3. Незнакомец в плаще.	9
Глава 4. Цена одного мгновения.	11
Глава 5. Река времени.	13
Глава 6. Хранители.	15
Глава 7. Испытание.	17
Глава 8. Голос мгновений.	19
Глава 9. Тихий час.	20
Глава 10. Перекрёстки мгновений.	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Rina Lily

Часовой мастер и осколки времени

Глава 1. Магазин, где не продают часы.

Акт I. Пробуждение

Лавка Ильи пряталась на тихой улице между булочной с ароматом свежего хлеба и букинистическим магазином, где вечно терялись страницы. Потемневшая от дождей вывеска над дверью гласила лаконично: «Ремонт часов». Никаких вывесок про продажу или аксессуары — только ремонт. Илья гордился этой точностью: он не торговал временем, он его чинил.

В свои двадцать семь он был потомственным часовым мастером в третьем поколении. Дед оставил ему не только инструменты, но и главное правило: «Время не любит спешки и не терпит суеты». Илья усвоил его рано. Еще мальчишкой он часами сидел на низком табурете у дедова стола и заворожено наблюдал, как тот, прищурившись, подводил тонкую иглу к крошечному колесу, будто боясь спугнуть секунду.

Изнутри лавка напоминала нору, набитую тиканьем. Настенные, напольные, карманные, наручные, кухонные и башенные механизмы — каждая шестеренка отсчитывала собственный ритм. Кому-то этот звуковой хаос показался бы невыносимым, но Илья слышал в нем живое, неторопливое дыхание: механизмы вели каждый свою партию, сливаясь в единый оркестр, играющий для самого себя.

Утро выдалось пасмурным, с отчетливым привкусом осеннего дождя. Илья как раз протирал стекло витрины, когда дверь тихо скрипнула. Обернувшись, он увидел девочку лет десяти, прижимавшую к груди маленькие карманные часы на тонкой цепочке. Поцарапанный корпус и потрескавшаяся эмаль выдавали вещь старинную и дорогую — не по номиналу, а по заключенной в ней истории.

— Здравствуйте, — произнесла она едва слышно, словно боясь нарушить тишину. — Они остановились. На 16:17. Я не знаю, что делать.

Илья кивнул и жестом пригласил ее подойти:

— Давай посмотрим. Время не любит, когда его бросают.

Девочка протянула находку. Илья принял ее с трепетом, как нечто хрупкое, способное рассыпаться от малейшего движения. Стоило ему приоткрыть крышку, как воздух в комнате заметно загустел.

Внутри скрывалось нечто немислимое: вместо привычных шестеренок, пружин и анкерного хода бушевал вихрь. Настоящая миниатюрная буря из света и тени кружилась вокруг оси, придавив стрелки к циферблату невидимой ладонью.

Илья остолбенел. Ему доводилось видеть разбитые вдребезги, залитые водой или обжиганные пауками механизмы, но с таким он сталкивался впервые.

Затаив дыхание, он подался вперед. В этот самый момент стрелка едва заметно — на долю миллиметра — дрогнула. И тут же висевшая за спиной мастера старая фотография деда неожиданно изменилась. Раньше тот смотрел строго прямо в объектив, чуть нахмурившись, словно проверяя порядок. Теперь же взгляд его был обращен в сторону — туда, где бушевал загадочный вихрь.

Девочка испуганно выдохнула:

— Это... плохо?

Илья медленно захлопнул крышку, собираясь с мыслями.

— Не уверен. Похоже, это вовсе не поломка. Скорее... приглашение.

— Приглашение куда?

— Туда, где время не течет, а живёт, — ответил Илья, сам поражаясь собственным словам. — И мне нужно его починить. Не сам механизм, а то, что скрыто внутри.

Он устроился за верстаком, водрузил часы перед собой и вооружился лупой. Девочка пристроилась рядом, не осмеливаясь присесть.

— Расскажи о них. Откуда они у тебя?

— От бабушки. Она говорила, что они отсчитывают не обычные часы, а «то, что по настоящему важно». А потом они встали, и мне стало казаться, будто я безвозвратно что-то потеряла. Забыла что-то очень нужное.

Илья вновь открыл крышку. Вихрь не утих, но теперь мастер различил в нем узор, напоминающий музыкальную партитуру: вспышки света сменялись тенями в строгом ритме. Достав миниатюрный камертон, он ударил его о край стола и поднес к механизму.

Звуковая волна легла на вихрь, как капля росы на водную гладь. Буря дрогнула, оставив крошечный зазор, похожий на расщелину в камне. Илья ловко подвел иглу к оси, задавая иное движение.

Стрелка дернулась вновь — на этот раз уверенно, словно вспомнив верный путь, и перешагнула с 16:17 на 16:18. В тот же миг дед на фотографии едва заметно, но искренне улыбнулся, как наставник, увидевший долгожданное озарение ученика.

— Они идут! — восторженно шепнула девочка. — Правда идут!

Илья кивнул, но на душе было тревожно. Он отчетливо понимал: починив часы, он открыл запретную дверь, и теперь никто не мог предсказать, что из нее появится.

— Держи. Но обращайся с ними бережно. Заключенное внутри время не терпит небрежности.

Она прижала драгоценную вещицу к груди, словно та могла ее согреть.

— А можно я зайду еще? Если они снова остановятся?

— Приходи. Я буду здесь.

Когда за гостьей закрылась дверь и звонко смолк колокольчик, лавка вернулась к привычному укладу. Но Илья знал: прежней она уже не будет. Он поднял взгляд на портрет деда, который по-прежнему улыбался со стены.

— Я стараюсь, — тихо произнес Илья. — Как ты и учил.

Глава 2. Тайный язык механизмов.

Вечером, заперев лавку, Илья достал дедовскую тетрадь.

Она была самой обычной — школьной, в клетку, с потёртой обложкой. Дед вёл её всю жизнь: записывал наблюдения, заметки и вопросы, которые задавал самому себе, порой оставляя их без ответов. Илья помнил, как в детстве перелистывал страницы, не понимая ни слова. Тогда записи казались ему заклинаниями на неведомом языке. Теперь всё изменилось. Читая их, он отчётливо чувствовал, как слова деда ложатся поверх того, что он сам увидел сегодня в карманных часах девочки.

«Живые часы не чинят — их слушают. Они говорят на языке пауз, и тот, кто не слышит тишины, не поймёт ни слова».

«Улицы, меняющие имена, — это не ошибка карты. Это память города, которая просыпается, когда время сбивается с шага».

«Города, живущие в прошлом, — не руины, а узлы, где время сворачивается в кольцо. В таких местах часы показывают не сколько прошло, а сколько осталось».

«Петля питается привычками. Она стирает то, что человек делает каждый день, потому что именно в привычках прячется ритм его времени».

Илья перечитывал эти строки и чувствовал, как в груди поднимается глухой страх — не перед опасностью, а перед масштабом того, что ему, возможно, предстояло осознать.

Он поднял глаза на портрет деда. Тот по-прежнему улыбался, но теперь в его улыбке читалось предупреждение: «Ты вступил на тропу, где каждый шаг отзывается в другом времени».

Утром дверь снова скрипнула. Девочка стояла на пороге — бледная, с тёмными кругами под глазами.

— Дома всё не так, — прошептала она. — Все часы показывают разное время. Одни — восемь утра, другие — полночь, а третьи вообще крутятся назад. А папа... он забыл про утренний кофе. Стоял у плиты и смотрел на чайник, будто впервые его видит. И мама всё переспрашивает: «Ты точно это говорила?», хотя я произнесла это секунду назад.

Илья медленно кивнул. Не поломка. Не сбой. Петля.

— Ты помнишь, что я говорил о времени, которое живёт? Оно не любит, когда его запирают. Если часы останавливаются, время не исчезает — оно ищет, куда перетечь. И если рядом есть что-то живое, оно цепляется за это. За дом. За людей.

— Это из-за них? Из-за часов?

— Не из-за самих часов. Из-за того, что внутри. Вихрь работает как магнит для времени. Когда он остановился, возникла точка притяжения. И теперь время в вашем доме крутится вокруг неё, как вода вокруг водоворота.

Она закусил губу, стараясь не заплакать.

— Что делать?

— Мы вернём всё на место. Но для этого мне нужно научиться понимать этот язык. Язык механизмов. Мой дед знал его и оставил подсказки.

Илья взял со стола маленький метроном — старый, деревянный, с латунным грузиком. Дед всегда повторял, что метроном — это голос порядка, способный перекрыть хаос. Илья завёл его, и комната наполнилась ровным, уверенным тиком: тук-тук, тук-тук.

— Мы возьмём его с собой. Когда придём к вам домой, ты сделаешь одну простую вещь. То, что делаешь каждый день. Например, нальёшь воду в чашку. Но сделаешь это не спеша. Будешь слушать этот тик и скажешь вслух: «Я делаю это сейчас. Это моё время».

Они вышли на улицу. Теперь Илья видел гораздо больше: замечал, как тень от фонаря падает странно, как птица, взлетев с ветки, на долю секунды зависает в воздухе, словно спо-

ткнувшись о невидимую ступеньку. Время вокруг было целым, но где-то рядом уже давало трещину.

Квартира встретила их неестественной тишиной. В комнате висели часы с маятником — маятник замер, а стрелки застыли на отметке 3:47. На кухне светился красный дисплей электронных часов: 12:00. На полке стояли песочные, и песчинки в них неподвижно висели в воздухе.

Отец девочки сидел у окна с пустой чашкой в руках. Он смотрел прямо перед собой.

— Папа, — тихо позвала девочка.

Он медленно повернул голову. Взгляд был чистым, но совершенно чужим.

— Кто ты? — спросил он тихо, без злобы, задавая вопрос так, будто искренне не знал ответа.

Девочка вздрогнула. Илья шагнул вперёд.

— Она твоя дочь. И сейчас она сделает кое-что очень важное. Помоги ей. Просто смотри.

Девочка подошла к столу, взяла чайник и медленно, как учил Илья, налила воду в чашку.

Затем подняла её и произнесла громко:

— Я наливаю воду. Это утро. Это наш дом. Это моё время.

Метроном на столе отсчитал удар с особой чёткостью. Тик.

Маятник качнулся раз, другой — и пошёл, ровно отмеряя секунды. Стрелки электронных часов дрогнули и тронулись с места: 12:01, 12:02. Песок в часах снова потёк.

Отец моргнул. В его глазах вспыхнуло узнавание.

— Леночка? Ты... ты налила чай?

— Да, папа. Я налила чай. Как всегда.

Илья смотрел, как отец обнимает дочь, и думал о том, что петля не зла. Она не разрушает — она просто стирает память. И чтобы вернуть утраченное, не нужна грубая сила. Нужен ритм. Нужен кто-то, кто напомним времени его истинное звучание.

Но уходя, он заметил пугающую деталь: на циферблате карманных часов, которые девочка прижимала к груди, стрелка внезапно дрогнула и откатилась назад, к 16:17. Вихрь внутри продолжал работать. Петля в квартире распалась, но первоисточник остался цел.

Он пообещал девочке:

— Я научусь читать это время. И верну всё на свои места.

Она кивнула, и в её взгляде читалась чистая, абсолютная детская вера. Илья не был уверен, что заслуживает её, но точно знал, что разочаровать её не имеет права.

Глава 3. Незнакомец в плаще.

Три дня Илья толком не спал. Он перечитывал дедову тетрадь, прислушивался к часам в лавке, пытаясь уловить в их тиканье то, что дед называл «языком пауз», но слышал лишь привычный ритм. Вихрь в часах девочки оказался чем-то совершенно иным, и Илья не понимал, как к нему подступиться.

На четвёртые сутки, когда на смену дождю пришёл густой туман, в лавке появился незнакомец.

Илья не услышал стука — дверной колокольчик даже не шевельнулся. Он просто ощутил чужое присутствие, словно сквозняк: не видя, но чувствуя. Подняв голову, он увидел у стола высокого мужчину в тёмном плаще. Время оставило следы на его лице, но не тронуло глаз — ясных, молодых, с прищуром человека, привыкшего видеть дальше остальных.

— Илья, — произнёс гость. Не спросил — констатировал факт, будто знал его всю жизнь.

— Вы кто?

— Виктор. Хранитель времени. Точнее, один из тех, кто им был. Теперь — скорее проводник.

Илья не шевельнулся. Не из страха — впервые за эти дни он почувствовал: перед ним тот, кто действительно знает. Знает всё то, что сам Илья интуитивно ощущал, но не мог выразить.

— Садитесь, — предложил он.

Виктор сел и достал из-под плаща металлический диск размером с карманное зеркальце — тёмный, покрытый сложной, неуловимой для глаза гравировкой. Он молча положил его на столешницу.

— Компас времени, — пояснил Виктор. — Он указывает направление между мгновениями. Не между пространствами — между моментами. Ты уже понял, что время течет неравномерно. Ты видел вихрь, замечал, как меняются фотографии, чувствовал, как петля забирает чужой ритм. Теперь тебе предстоит научиться ходить между мгновениями.

Илья взял диск. Тот оказался тяжёлым и тёплым. Тонкая, словно ресница, стрелка на поверхности не замирала, а едва заметно дрожала, словно в поисках верного пути.

— Правила просты и их немного, — продолжил Виктор. — Первое: время не терпит пустоты. Куда падает тень утраты, туда неизбежно затекает чужое воспоминание. Поэтому, когда ты что-то забираешь — а этого не избежать, — оставляй взамен эквивалент: тишину, звук или просто присутствие. Второе: не пытайся остановить время. Остановка — это не пауза, это болезнь. Пауза — лишь передышка для времени, остановка же лишает его дыхания. Третье: не цепляйся за мгновения. Это самое важное и трудное испытание. Удержанное мгновение превращается в осколок, который неизбежно ранит.

— Как дед?

Виктор долгим взглядом посмотрел на юношу.

— Твой дед был мудрым человеком. Он умел отпускать. Даже сквозь боль, даже когда отчаянно хотелось удержать. Это редчайший дар.

— А вы? — тихо спросил Илья. — Вы тоже удерживали?

Виктор не ответил. Он поднялся, подошёл к окну и вгляделся в серую, затянутую туманом улицу.

— Есть одно место, — произнёс он, не оборачиваясь. — Зброшенный тридцать лет назад часовой завод «Точное время». Механизм внутри всё еще работает, но иначе, чем на обычных заводах. Это узел равновесия, точка, где время города сверяет свой ход. Ты должен отправиться туда. Сегодня.

— Зачем?

— Потому что вихрь в часах девочки — чужак. Он пришёл оттуда. Завод — не просто стены, это гигантские часы, отсчитывающие само равновесие. Сейчас их механизм сбит, и тебе предстоит его починить.

Илья посмотрел на компас. Стрелка трепетала, указывая куда-то сквозь стену — на восток или в иное измерение, неподвластное сторонам света.

— Пойдёмте со мной? — попросил он.

— Нет. Ты пойдёшь один. Но я буду рядом. Незримо — но рядом.

Илья не до конца понял эти слова, но кивнул.

Виктор направился к выходу и на мгновение замер у порога.

— Илья. Когда доберёшься до завода — слушай. Не механизмы, не стены. Слушай тишину между ударами. В ней кроется ответ.

Он ушёл. Колокольчик над дверью остался немым, но лавру наполнила такая плотная тишина, что Илья отчётливо понял: уход Виктора оставил после себя пустоту, похожую на внезапно оборванную ноту в аккорде.

Глава 4. Цена одного мгновения.

Завод «Точное время» стоял на окраине за пустырьём, заросшим репейником и крапивой. Здание из красного кирпича выделялось высокими окнами со множеством выбитых стёкол. На фасаде ещё держалась потускневшая вывеска с читаемым названием: «Точное время». Железные ворота были приоткрыты, будто кто-то вошёл внутрь и забыл их запереть.

Илья шагнул за порог.

Цех поражал масштабом: потолок тонул во мраке, кирпичные стены покрывали ржавые потёки, а в трещинах бетонного пола пробивалась трава. Но внимание Ильи привлекло другое.

Посреди помещения на массивном каменном постаменте возвышался стеклянный купол в человеческий рост с латунным ободком у основания. Внутри него бушевал вихрь.

Тот самый. В точности как в часах девочки, только увеличенный до пугающих размеров. Свет и тень кружились вокруг невидимой оси, и в этом движении Илья ощутил всё, что затягивала воронка: обрывки чужих и незнакомых, прожитых и утраченных мгновений. Смех и плач, шаги и тишина, звон и шёпот слились в единый непрерывный поток.

Илья достал компас. Стрелка не дрожала — она застыла, указывая прямо на центр купола.

Он подошёл ближе и приложил ладонь к стеклу. Оно оказалось не нагретым, а живым, теплым, как человеческая кожа. Сквозь это тепло Илья почувствовал: купол не просто вращается, он голоден. Вихрь безуспешно пытался заполнить пустоту, отчего ускорялся и рос.

В дедовой тетради сохранилась запись: «Чтобы вернуть баланс, нужно отпустить. Не починить — отпустить. Узел равновесия не ломается, он перегружается. Слишком много удержанного мгновения. Слишком мало отпущенного».

Илья закрыл глаза. Под гулом и хаосом вращения он различил тихий, ровный ритм, напоминавший сердцебиение. Это был ритм завода, ритм равновесия — дыхание, которое заглушал посторонний шум.

Вихрь потянул за собой воспоминания, заставляя Илью возвращаться в прошлое. В этом заключалась его сила: механизм не ломал сопротивление, он предлагал вспомнить самое дорогое и удержать это.

Илья увидел себя семилетним мальчиком в осенний день 12:43. Дед сидит за столом перед разобранными часами, а внук на цыпочках заглядывает через плечо. Дед берёт его руку и кладёт на крошечную шестерёнку.

— Чувствуешь?

Илья чувствует. Шестерёнка тёплая, с невидимыми без лупы зубчиками. Дед подводит пружину, деталь вздрагивает и приходит в движение. В этот момент мир словно идёт рябью — не ломается, но вздрагивает от прикосновения к самой ткани реальности.

Это воспоминание было самым дорогим. Тем самым «тёплым камешком в кармане», который Илья прятал всю жизнь, осознав своё истинное призвание — быть часовщиком по рождению.

Вихрь настойчиво тянулся к этому образу, делая его ярче и не позволяя отпустить.

Илья понял: чтобы успокоить механизм, воспоминание нужно не сберечь, а отпустить. Позволить ему стать не цепью, а мостом; не застывшей точкой, а текущей рекой.

Он открыл глаза, посмотрел на купол и твёрдо произнёс:

— Я отпускаю.

Память осталась, но хватка ослабла. Илья разжал пальцы, отпустив свой мысленный камешек, и рука стала свободной.

Вихрь замедлил ход, переходя от бешеного вращения к плавному покачиванию. Стрелка компаса качнулась и замерла в мягком колебании. Купол перестал гудеть, издав низкий, чистый звук, похожий на удар мягкого молоточка по колоколу.

Опустив руки, Илья почувствовал, как нечто огромное и невидимое встало на своё место. Механизм наконец обрёл покой.

Глава 5. Река времени.

Илья вернулся к девочке на следующий день. Город казался другим — не внешне, а по внутреннему ощущению, словно кто-то выровнял картину, висевшую прежде криво. Время текло ровно: Илья улавливал это в мерном тиканье уличных часов, гудении проводов и стуке трамвайных колес на стыках рельсов.

Девочка ждала у подъезда. Отец стоял за её спиной — уже другой, узнающий, помнящий. Он не знал подробностей случившегося, но интуитивно чувствовал перемены. Без лишних слов и объяснений он просто стоял рядом с дочерью, глядя на Ильи глазами, полными тихой благодарности.

Илья присел рядом с ней на скамейку.

— Послушай, — мягко начал он. — То, что произошло с твоими часами, — не поломка. Ты пыталась удержать мгновение. Тот самый момент, когда мама уходила. Ты остановила механизм, потому что не хотела, чтобы время шло дальше. Но оно не умеет останавливаться — оно лишь сворачивается в петлю. И эта петля затягивает всё вокруг: дом, твоего отца, тебя, едва не уничтожив остальные дни.

Девочка молчала, а затем тихо произнесла:

— Мама ушла. Не навсегда, но ушла. И я хотела, чтобы эта минута не заканчивалась, чтобы снова услышать ее обещание: «Я вернусь».

— Она вернулась?

— Да, через неделю. Но та неделя казалась вечностью.

— Потому что петля растягивала время. Каждый день ощущался как десять, каждый час — как сто.

Девочка кивнула и неуверенно спросила:

— А теперь? Теперь все хорошо?

— Теперь лучше, но до конца еще далеко. Починенный мной механизм — это узел равновесия, удерживающий городское время. Однако существуют и другие узлы. Места, где ткань реальности тоньше и грозит порваться.

— Вы будете их чинить?

— Да, если сумею.

В этот момент из-за угла появился Виктор. Он шагал по тротуару как обычный прохожий, затем подошел, кивнул Илье и перевел взгляд на девочку.

— Хорошо, — сказал он. — Ты чувствуешь.

— Что чувствую? — удивилась она.

— Реку. Ты слышишь реку времени. Многие живут на ее берегах и даже не подозревают об этом. А ты знаешь.

Девочка вопросительно посмотрела на Ильи, и тот кивнул в знак подтверждения.

— Река времени — это не просто звук, это скрытый ритм, течение, — продолжил Виктор. — Его нельзя увидеть, но можно услышать в тишине между ударами стрелок. Эта река пронизывает город, людей, мгновения. Иногда на ней возникают заводи, где течение замедляется, оседая илом потерянных секунд. И из этих застойных мест вырастают трещины.

— Трещины? — нахмурилась девочка.

— Точки, где реальность расходится по швам. Не страшно, если вовремя заметить. Страшно — пропустить.

Виктор повернулся к Илье:

— Ты сделал первый шаг, отпустив обиду, и механизм успокоился. Но это лишь начало. Впереди — новые заводи, хранители, разломы. И кое-что еще.

— Что именно?

Виктор промолчал. Он поднял глаза на низкое серое небо, где сквозь разрыв в тучах пробивалась синева.

— Я приду, когда потребуется, — пообещал он.

Он ушел, и на этот раз звон колокольчика подтвердил: Виктор действительно удалился, а не растворился в воздухе, оставив после себя лишь легкое ощущение защищенности.

Девочка подняла на Илью глаза:

— Вы научите меня слышать ее?

— Я попробую, — ответил он. — Но сначала должен научиться сам.

Вечером в лавке он вновь открыл старую тетрадь деда и перечитал строку, которую прежде не понимал:

«Река времени течет везде и сразу. И тот, кто думает, что стоит на берегу, на самом деле бредет по колено в воде».

Илья закрыл тетрадь. Часы на стене отбивали двенадцать. Впервые он различил абсолютную тишину между ударами механизма, а в ней — едва уловимый, грандиозный гул чего-то огромного и плавного, текущего сквозь город, стены и его собственное сердце.

Река.

Глава 6. Хранители.

Акт II. Хранители

Завод встретил Илью гулом.

Не мёртвым гулом пустого здания, а живым, ровным, как у мотора на холостом ходу. Илья прошёл через цех мимо купола — теперь он светился тёплым светом, без вихря и вращения — и свернул в незнакомый коридор. Тот оказался коротким, каменным, с единственной дверью в конце.

За дверью открылся круглый зал с куполообразным потолком. На нём были выписаны не небесные созвездия, а часовые: переплетённые стрелки, цифры и шестерёнки. Стены из кирпича украшали медные пластины с выбитыми датами, а в каменном полу виднелось углубление в виде чаши.

В чаше лежали кольца.

Металлические и медные, от размеров обручального до колеса телеги, они входили одно в другое, напоминая мишень. Каждое кольцо медленно вращалось в собственном темпе, источая искры. Не электрические и не огненные — маленькие, тёплые, похожие на светлячков. Перебегая с кольца на кольцо, они складывались в упорядоченный узор, напоминавший нотную запись.

— Сердце механизма, — произнесла женщина у дальней стены.

Илья не слышал её шагов, но и удивления не почувствовал: после Виктора он уже ничему не удивлялся.

— Марьяна, — представилась она. — Хранительница баланса.

Высокая, с тёмными волосами в проседи, больше похожими на иней. На плече поблескивала серебряная брошь в виде шестерёнки. Лицо собранное, внимательное — без улыбки, но и без холода, свойственное людям, которые привыкли к тишине и не боятся её.

— Виктор рассказал, — продолжила она. — Ты отпустил. Мало кто на это способен. Многие приходят к куполу, цепляются за него — и тогда вихрь растёт, они уходят, а всё остаётся прежним. Ты смог.

— Что это? — Илья кивнул на кольца.

— Схема городского времени. Каждое кольцо — отдельный слой: внешнее — дни, среднее — часы, внутреннее — мгновения. Искры переносят моменты из слоя в слой. Пока всё в порядке, они текут плавно. Но стоит случиться сбою, как искры скапливаются, порождая трещины.

Марьяна подошла к стене с выгравированной временной картой. Улицы, дома и перекрёстки пересекали тонкие жилы, тянувшиеся от завода к окраинам. Одни линии светились ровно, другие мигали, а две тлели тревожным красным цветом.

— Вот, — она указала на очаги повреждений. — Трещины. Одна у вокзала, другая — у библиотеки. Пока они маленькие, но продолжают расти.

— Что делать?

— Уравновешивать. Не закрывать, а именно уравновешивать. Трещина — это не дыра, а перекос. Время здесь течет неравномерно, искажая реальность. Нужна точка опоры, способная вернуть прежний ритм.

Илья посмотрел на вращающиеся кольца и бегущие искры. В их движении вдруг послышалась мелодия — не слышимая ушами, но ощутимая физически, словно тепло или холодок.

Знакомая с детства мелодия, которую напевал дед за работой: три ноты, взмывающие и опадающие волной. Ни Илья, ни дед не знали её названия. Просто их общая мелодия.

Он запел тихо, неуверенно, но кольца откликнулись. Искры выровнялись, гул стал мягче. Марьяна посмотрела на него, и на её лице мелькнуло подобие тени улыбки.

— Хорошо, — сказала она. — Ты слышишь, и это главное. Технической стороне я научу, Арсений подскажет что-то своё. Но слышать научить нельзя — это либо дано от рождения, либо нет.

— Кто такой Арсений?

— Старик. Он видит трещины не на слух, а глазами — точно трещины на стекле. Он наш проводник. Я отвечаю за равновесие, Виктор — за связь, а ты — новый.

— Новый кто?

— Новое всё, — ответила Марьяна. — Ты пришёл последним и, возможно, стал главным. Ты не просто хранитель, ты — мастер. А мастер чинит то, что сломалось. Время ведь тоже механизм, и оно иногда ломается.

Глава 7. Испытание.

Арсений появился на заводе на третий день. Старик был невысоким и сухим; его лицо напоминало мятую карту, а руки, покрытые медными пятнами, казались испачканными в металле навсегда. Несмотря на возраст, глаза его — водянисто-голубые — сохраняли орлиную зоркость.

Он не стал здороваться. Арсений просто подошел к Илье и, долго и молча глядя на него, бросил:

— Покажи.

— Что показать?

— Как ты слышишь.

Илья закрыл глаза и прислушался. Ровный, монотонный гул завода скрывал в себе бесчисленное множество звуков: тиканье, шепот, едва уловимое дуновение. Но среди них он выделил один — рваный, царапающий, словно стекло по металлу.

— Там, — Илья указал влево. — Что-то не так.

Арсений кивнул.

— Верно. Трещина. Не в асфальте — в самом городе. На перекрестке, у фонарного столба. Люди проходят мимо и забывают, куда шли. Большинство — просто замирают на секунду и продолжают путь. Но чувствительные — теряют нить.

Они пришли к перекрестку — обычному месту со светофором и столбом освещения. Арсений остановился, прищурился и указал на землю:

— Видишь?

Илья сначала не заметил ничего, но затем увидел: тонкая, как волос, линия тянулась от столба к краю тротуара. Это была не трещина в покрытии, а разлом в чем-то гораздо более глубоком, пролегающем под слоями земли и бетона.

— Вижу.

— Не смотри на неё. Слушай.

Илья прислушался. Время на перекрестке звучало неровно, точно заезженная пластинка, спотыкающаяся на одном и том же месте: тик-так-тик-так-тик-так-тик. Сбой. Маленький, но неумолимый.

— Трещины не закрывают, — произнес Арсений. — Закрывать — значит запереть, а запертое время превращается в петлю. Трещину нужно уравновесить. Дай ей точку опоры — и она затихнет. Не исчезнет, а именно затихнет. Как старая рана: шрам остается, но больше не болит.

Старик достал из кармана гибкую медную проволоку и согнул её в кольцо размером с блюдце. Он положил его на асфальт прямо на разлом, и кольцо тут же отозвалось высоким, чистым звоном, напоминающим звук камертона.

Илья почувствовал, как ритм города выровнялся. Тик-так. Тик-так. Сбой исчез.

— Медь, — пояснил Арсений. — Она помнит. Медь работает как губка для времени: впитывает и отдает ритм ровно, без перекосов. Железо же — другое, оно держит. Поэтому маятники делают из железа, а резонаторы — из меди. Разные металлы — разные задачи.

Они проверили еще два места. В одном из них трещина была древней, почти затихшей; там лежало медное кольцо, установленное Арсением «лет двадцать назад». В другом — свежей, едва заметной. Но стоило положить медь, как разлом затихал.

На обратном пути завод вдруг изменился. Гул стал прерывистым, как кашляющий мотор. Илья почувствовал: в кольцах что-то сбилось. Поток искр, шедший ровно, вдруг пошел рывками, подобно крови в сжатой вене.

Илья бросился к залу. Кольца вращались дергано, неритмично. Искры скапливались на одном участке, словно вода перед плотиной. Гул стал резче, в нем появился новый, пугающий звук — скрежет металла о металл, рождающий неистовый жар.

Не раздумывая, Илья начал напевать мелодию деда — три ноты, плавная волна. Сначала тихо, затем все громче. Мелодия легла на гул, как рука на дрожащее плечо. Кольца замедлились, поток искр выровнялся, и скрежет стих.

Но на мгновение, пока кольца еще совершали судорожные движения, Илью захлестнуло видение. Он ощутил его всем телом: его город. Улицы, дома, люди — и всё это рушится. Словно по стеклу ударили, и трещины поползли от центра к краям, и стекло осыпалось, обнажая пустоту. Город рассыпался на осколки.

Видение исчезло. Илья стоял у колец — потный, с дрожащими руками. Мелодия продолжала звучать ровно и спокойно.

Арсений стоял за спиной. Он молчал, а затем сказал:

— Ты увидел это. Это не будущее, а возможность. Если не чинить — так и будет. Если чинить — может и не быть. Но твое видение — это знак. Ты — хранитель. Настоящий.

Глава 8. Голос мгновений.

Старый вокзал стоял пустым. Поезда не ходили отсюда уже лет десять, но здание продолжало жить своей тихой жизнью, а на стене всё ещё шли — точнее, замерли — огромные часы с римскими цифрами, чьи стрелки навсегда остановились на 14:03. Прямо под ними зияла тонкая трещина.

Илья заметил её сразу: Арсений научил его смотреть не глазами, а периферийным зрением — так в тёмной комнате улавливают малейшее движение. Трещина пролегла по стене тончайшей паутинной нитью, и от неё исходили не звуки, а смутные ощущения. Илья чувствовал: каждый, кто проходил мимо — а таких было немного, лишь те, кто срезал путь через заброшенный зал, — оставлял здесь частичку себя. Что-то незначительное. Забытый поворот, потерянную мысль, чужое имя, затерявшееся в суете дня.

— Трещина питается, — пояснил Арсений. — Не временем — мгновениями. Маленькими, утерянными фрагментами, застрявшими в карманах памяти. Они вроде бы и не нужны, но занимают место. Трещина собирает их и за счет этого растёт.

— Как её остановить?

— Не остановить. Услышать. Каждое похищенное мгновение реально. Его нельзя уничтожить, его нужно вернуть. Не прежнему владельцу — в мировой поток. Отпустить.

Арсений извлёк из сумки латунные пластины размером с ладонь, усыпанные перфорацией по краям. Резонаторы.

— Ставим у трещины, — скомандовал он. — Они работают как микрофоны, улавливая эхо. Ты слушаешь — и слышишь каждое застрявшее мгновение. И отпускаешь.

Илья расставил четыре пластины по углам зала. Как только встала последняя, пространство наполнилось звуками. Это был не гул, а шёпот голосов — далёкий и отчётливый, как радиопередача на грани слышимости. Кто-то спешил: «Я опаздываю». Кто-то терялся: «Где мой билет?» Кто-то просил: «Подожди, я сейчас». Оставленные, брошенные мгновения.

Илья слушал и учился отпускать. Каждое мгновение требовалось признать и отпустить без слов: «Я слышу тебя. Ты было. Теперь ступай». И оно не исчезало — оно освобождалось, тая искрами под потолком.

Голосов были сотни. Илья работал методично, и с каждым отпущенным осколком трещина утихала. Стены перестали вибрировать. Часы со стрелками на 14:03 вдруг качнулись, минутная сдвинулась на деление, другое — и механизм пошёл.

В дальнем углу зала Илья заметил сгусток темноты — похожий на ком грязной ваты, парящий в воздухе на уровне груди. От него тянулись паутинные нити ко всем поверхностям комнаты. Это был узел, куда сплелись не просто потерянные, а намертво завязанные мгновения, которые невозможно распутать — только освободить.

Илья подошёл ближе. Сгусток низко гудел, наполненный спрессованным хором кашля, шагов, смеха и плача. Он протянул руки и принялся за работу: слушал поочерёдно каждое мгновение и терпеливо, без спешки развязывал узел за узлом.

Пятно таяло, голоса растворялись. Прошло немало времени, прежде чем исчез последний фрагмент. В зале остался лишь привычный вокзальный воздух с ароматом пыли и выдержанного дерева.

Трещина на стене успокоилась. Арсений зафиксировал её медным кольцом, запечатав разлом.

Илья стоял посреди пустого пространства и ощущал внутреннюю перемену. Он отчётливо слышал живое время: каждый проходящий мимо человек излучал тепло мгновений, и теперь эта ткань жизни казалась ему осязаемой и по-настоящему драгоценной.

Глава 9. Тихий час.

Девочка принесла тетрадь. Не школьную — тонкую, в твёрдой обложке, купленную в канцелярском магазине. На первой странице аккуратным почерком было выведено:

«Дневник ощущений времени»

Илья открыл тетрадь и прочитал:

«Понедельник. Утро. Время тёплое. Как одеяло, которым мама укрывала на ночь».

«Вторник. После школы. Время колючее. Как ёлка. Иголки торчат во все стороны, и каждая куда-то спешит».

«Среда. Вечер. Время вязкое. Как мёд. Тянется, не рвётся. Хочется, чтобы тянулось дольше, а оно — рвётся».

«Четверг. Раннее утро. Времени нет. Не стоит — нет. Как будто ещё не проснулось. Часы тикают, а времени — нет. Может, оно спит?»

Илья закрыл тетрадь и посмотрел на девочку. Она сидела на своём обычном месте — в углу, на низком стуле, с выданным им будильником в руках. Она его не заводила — просто держала.

— Ты чувствуешь время, — сказал он. — Не слышишь — чувствуешь. Это особый дар. Арсений видит трещины. Я слышу ритм. Ты — ощущаешь.

— Это плохо?

— Это не просто. Но не плохо. Тебе нужно научиться одному: слушать паузы.

— Паузы?

— Моменты, когда время замолкает. Не останавливается — замолкает. Как человек, который переводит дыхание. В эти паузы можно услышать, что время говорит, когда не тикает.

Они шли по городу. Илья показывал: вот здесь — трещина у светофора. Небольшая, свежая. Время на перекрёстке цеплялось за прохожих, словно репейник за одежду. Люди замедляли шаг, сами не понимая почему. Некоторые останавливались и замирали, глядя перед собой, пока не моргали и не шли дальше.

Илья прикоснулся медным кольцом к воздуху. Трещина затихла. Но девочка продолжала стоять и слушать. Потом произнесла:

— Здесь время тонкое. Как бумага. Если дунуть — порвётся.

— Не дуй, — улыбнулся Илья. — Слушай.

Они прошли ещё квартал. Девочка вдруг остановилась и замерла. Илья обернулся и увидел, что напольные часы в витрине старого антикварного магазина остановились. Стрелки замерли. Часы не тикали.

Люди вокруг тоже замерли. Не все — но несколько прохожих остановились, словно по команде. Стояли неподвижно секунд десять, затем моргнули и двинулись дальше.

— Что это? — прошептала девочка.

Илья прислушался и услышал тишину. Не пустоту — тишину. Полную, как стакан, налитый до краёв. В ней не было тиканья. Ни единого. Все часы в радиусе квартала замолчали.

— Тихий час, — сказал Илья и сам удивился этому слову, хотя никогда прежде его не произносил. — Время останавливается, чтобы перевести дыхание. Не ломается — отдыхает. Как сердце между ударами.

Они стояли и ждали. Тишина длилась минуту, может, две. Затем часы в витрине щёлкнули. Стрелка дрогнула и тронулась с места. По кварталу, словно по цепи, побежал перестук: один, второй, третий... Возвращение.

Виктор появился, как всегда, без предупреждения. Он стоял за их спинами и молча смотрел.

— Тихий час, — повторил он. — Ты знаешь, что это значит?

— Что время живое, — ответил Илья. — А живое устаёт.

— И ещё — что иногда лучшее, что можно сделать, — просто быть рядом. Не чинить, не исправлять, не отпускать. Просто быть. Когда время переводит дыхание, ему не нужен мастер. Ему нужен свидетель.

Глава 10. Перекрёстки мгновений.

Перекрёсток у старой библиотеки был по-своему красив — неуютной, меланхоличной красотой обречённого на снос старинного дома: с потрескавшейся лепниной на фасадах, витыми чугунными фонарями и травой, пробивающейся сквозь брусчатку. Сама библиотека — двухэтажная, с величественными колоннами и потемневшими окнами — стояла на углу, замыкая схождение трёх улиц.

Трещина здесь была особенной, хитрой.

Илья заметил это, наблюдая за прохожими. Женщина в пальто целенаправленно шла к библиотеке, но на самом перекрёстке вдруг резко меняла направление и уходила в противоположную сторону. Мужчина говорил по телефону: «Да, я уже иду», — но неподвижно стоял на месте, задрав голову к небу. Девочка-подросток яростно крутила педали велосипеда, однако оставалась на месте, словно дорога под её колесами превратилась в беговую дорожку, движущуюся назад.

Эта трещина не воровала время — она его подменяла. Чужие секунды вплетались в чужие судьбы, заставляя людей совершать поступки по чужой воле. Точнее, по воле другого мгновения.

Арсений подошёл, критически осмотрел мест

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.